

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Курт Хохоф

**РУССКИЙ ДНЕВНИК
СОЛДАТА ВЕРМАХТА**

ОТ ВИСЛЫ ДО ВОЛГИ

1939—1945

За линией фронта. Мемуары

Курт Хохоф

**Русский дневник солдата
вермахта. От Вислы
до Волги. 1941-1943**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Хохоф К.

Русский дневник солдата вермахта. От Вислы до Волги. 1941-1943
/ К. Хохоф — «Центрполиграф», — (За линией фронта.
Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5261-9

За годы Второй мировой войны Курт Хохоф, служа в вооруженных силах Германии, прошел путь от рядового солдата до офицера. Он принимал участие в действиях гитлеровской армии на территориях Польши, Франции и Советского Союза. В обязанности связного Курта Хохофа входило ведение журнала боевых действий его полка, что помогло ему восстановить события, участником и свидетелем которых он являлся. Обладая несомненным литературным талантом, хорошо образованный немец подробно описывает жестокие бои на Днепре, на подступах к Дону и под Сталинградом, упорное сопротивление Красной армии. И о том, как он размышлял о будущем Германии, как наступило отрезвление и понимание надвигающейся катастрофы.

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5261-9

© Хохоф К.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Курт Хохоф

Русский дневник солдата вермахта.

От Вислы до Волги. 1941-1943

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Разработка серийного оформления художника И.А. Озерова

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

* * *

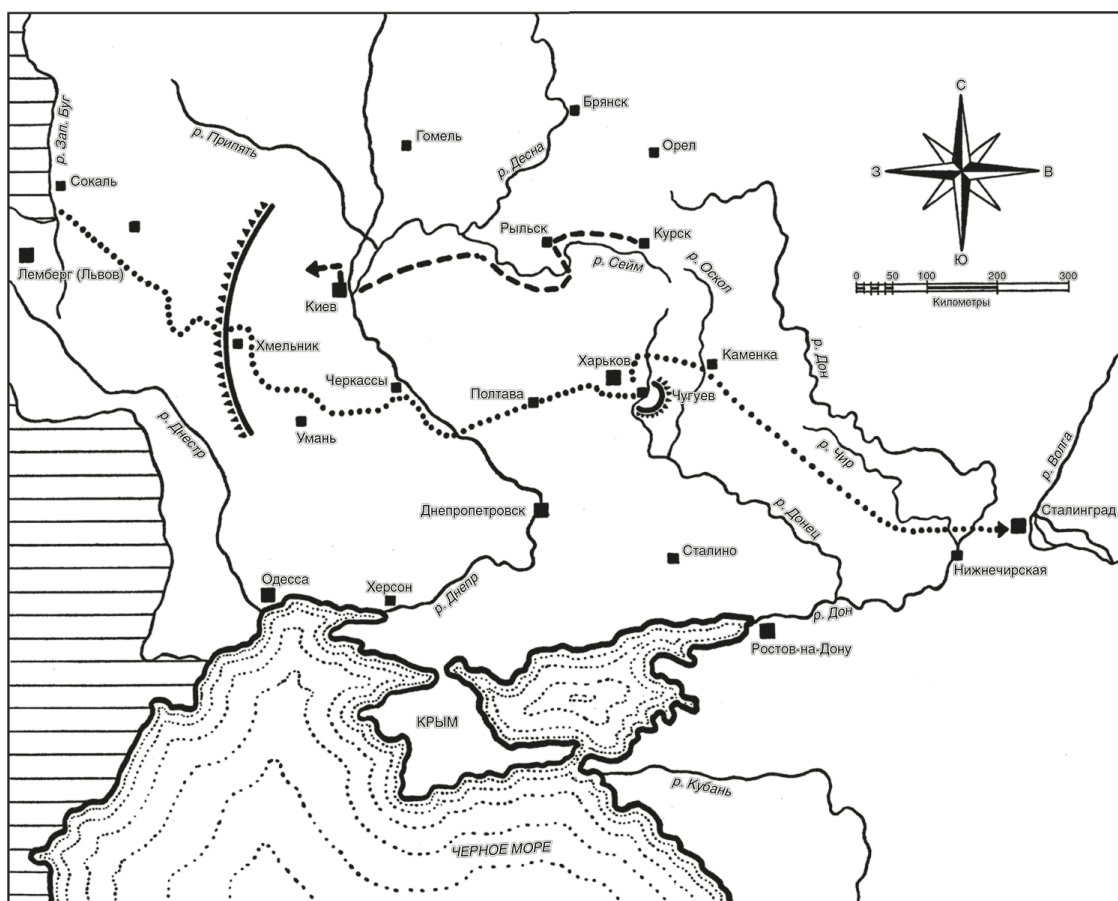
Глава 1

Авратинские высоты

Шел уже второй год войны. Мы воевали в Польше и во Франции, а с августа 1940 года находились в польской части Украины в полном неведении о том, что нас ожидает в дальнейшем. Военная машина почти остановилась. Изредка проводились полковые учения, то тут, то там осуществлялась передислокация воинских частей. Периодически пожилых солдат увольняли в запас, а на их место приходили молодые новобранцы. Как обычно осуществлялись поставки боеприпасов и техники. Все это походило на смазку различных частей сложного механизма.

Все пространство и время наполнились ожиданием, но чего именно от нас ждали, никто не знал. Точно так же, как плотина собирает силу воды, так и в нашем случае стала накапливаться чудовищная по своей силе духовная энергия. В глубине души мы надеялись, что Россия останется нашим другом. Но были и горячие головы, мечтавшие о наживе и славе в результате победы над огромной империей Сталина. Одни были объаты жаждой темных приключений, другие предавались отчаянию. А поскольку мы полагали, что Восток будет разгромлен так же быстро, как и Запад, если мы навалимся полной силой, то считали, что Восточный поход приведет к скорому окончанию войны и мы сможем вернуться домой.

До сих пор все проходило удачно. Бог, как было начертано на пряжках наших поясных ремней, был с нами в покорении мира, пусть и не совсем славном, как того хотелось. У людей, думающих по-военному, мысль о непобедимости германской армии превратилась в своеобразную догму. Другие, в основном финансисты, экономисты и прочие немногие, не желавшие победы, сомневались. Так продолжалось вплоть до Сталинграда.

План-схема продвижения воинских частей вермахта по территории СССР, в которых служил Курт Хохоф

Остается неразрешимой, не имеющей аналогов в истории загадкой, что шок, испытанный от Сталинграда, так и не был преодолен, что армия в конце стала убегать от тех людей, которых в 1940 году она могла связать попарно, как Самсон лис¹.

Для значительной части немецких солдат Россия навсегда останется величайшим переживанием, испытанным во время войны. Здесь мы имели дело с противником равным нам по вооружению, руководству и храбрости. Русский солдат, как и немецкий, имел закалку, был способен на все во время наступления и так же легко пугался, находясь в обороне или при отступлении. У обеих сторон наблюдались добродетели маленького человека: порядочность, товарищество, верность. Вожжами они не были одержимы.

Политическое руководство, как с немецкой, так и с русской стороны, было фанатичным и в отношении противника, можно даже сказать, наивным. Немцы считали русских варварами, а русские видели в нас надменных завоевателей. На самом же деле друг другу противостояли Европа и Азия, западное и восточное христианство (и то, и другое в демоническом одеянии), германцы и славяне. То, что мы называли свободой, те считали буржуазным очковтирательством, а то, что мы принимали за духовное и экономическое рабство, являлось восточным стилем, укоренившимся со времен Рюрика. Сходство и родство скрывалось, а на передний план выдвигалось то, что приводило к ужасающей напряженности. Мы были в аду. Клаузевиц² пришел бы в ужас от такого левиафановского стиля³.

¹ Имеется в виду один из подвигов ветхозаветного героя Самсона, описанный в библейской Книге Судей (15: 4–5). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, примеч. пер.)

² Клаузевиц Карл Филипп Готтлиб фон (1780–1831) – немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской

Нам, немцам, сражаться с русскими было гораздо сложнее, чем им с нами. Они защищали свою родину, тогда как мы... Что же двигало нами? Накануне нападения обер-лейтенант Цанглер провел инструктаж-наставление. Он принимал участие в Первой мировой войне с юношеских лет и дослужился в рейхсвере⁴ до полкового писаря в оперативном отделении штаба. Через его руки проходили все приказы. И хотя он сам не обладал правом отдавать приказы, эта обстановка наложила на него определенный отпечаток, поскольку он был человеком добросовестно исполняющим свои обязанности, подобно тому, как домохозяйка подает тапочки своему супругу.

К нам в роту Цанглер прибыл чуть больше года тому назад вместе со взводом пехотных орудий силезского производства из Райзенберга, местечка восточнее Вены. На потертой униформе тогдашнего лейтенанта были видны следы от прежних нашивок фельдфебеля. Это был загорелый человек крепкого телосложения с курчавыми волосами, прищуренным взором и большим бугристым носом. Его мощная фигура была видна издалека. Никто не знает, что происходило в душе господина фон Треско, нашего ротного, когда он в первый раз увидел Цанглера, но он оценил его правильно и нашел ему достойное применение. Во время военного похода во Франции Цанглера постоянно можно было видеть разъезжающим на велосипеде вдоль марширующей роты и подгоняющим отстающих. Он занимался вопросами расквартирования и пресекал бахвальство среди солдат. А когда дело доходило до передвижения бегом, то для воодушевления бегущих личным примером Цанглер скакал верхом на лошади или ехал на велосипеде. И если фон Треско располагался на ночлег вне расположения роты в комфортабельных покоях, то Цанглер предпочитал ночевать в палатке или на конюшне. Он заботился о том, чтобы грузовики были под завязку заполнены фуражом и продовольствием, добывая картофель, вино, шнапс, не пренебрегая демонстрацией своего искусства мясника, приобретенного еще на гражданке.

Со временем этот человек стал командиром нашей роты. И именно он накануне нападения на Россию рассуждал о цели и смысле предстоящего военного похода. Методические рекомендации этого выступления, как обычно, были спущены «сверху», и поэтому произнесенные им фразы могут служить в качестве документа. В частности, он сказал следующее: «Все начнется завтра. Коммунизм по-прежнему является нашим главным врагом. Будьте бдительны в отношении Красной армии! Соппротивление должно подавляться беспощадно».

Поскольку мне было поручено вести журнал нашей роты, то я записал его речь в своей тетради. Все происходило в большом, пугающем своей темнотой сарае. Солдаты стояли молча. Во мраке видна была только фигура Цанглера, карманным фонариком подсвечивавшего текст своего выступления. Я же пристроился сбоку от него, записывая услышанное на коленке. Когда речь закончилась, не раздалось ни звука. Люди смущенно смотрели в землю. Цанглер громко щелкнул челюстями и хрипло скомандовал:

– Разойдись! Всем удачи!

Все же он знал войну не понаслышке и носил военные знаки отличия с 1914 года.

Наша рота состояла из крестьян, ремесленников, мелких служащих, а также пары школьников и студентов. Мы не стремились сражаться с коммунизмом. Один образ мыслей может победить только другой образ мыслей. В целом настроение у нас было хорошее, и мы с уверенностью смотрели в будущее, поскольку нам предстояло обрести жизненное пространство на Востоке и завершить тысячелетний натиск германской политики, который был наполнен не столько пониманием, сколько кровью. Размышления о предстоящей военной кампании были, пожалуй, более основательными, чем мысли о походе против поляков и французов, не являв-

армии (1818). В своих сочинениях он четко сформулировал принципы ведения сражений, кампаний и войн в целом.

³ **Левнафан** – морское чудовище, упоминаемое в Ветхом Завете. В христианской традиции отождествляется с Сатаной.

⁴ **Рейхсвер** – вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг., ограниченные по составу и численности (115 тыс. человек) условиями Версальского мирного договора 1919 года. Вербовались по найму.

шимися, как это выяснилось, настоящими противниками. Скрытое в глубине души и многими не осознаваемое влечение на Восток являлось более изысканным средством для поднятия в известной степени необходимого энтузиазма, чем напыщенные фразы о необходимости борьбы с большевистской мировой революцией. Позднее немецкая пропаганда в отношении русских соответствующим образом перестроилась и вместо примирения стала призывать к их уничтожению.

22 июня 1941 года в половине третьего утра я получил приказ перехватить курьера на дороге между городами Сокаль и Кристинополь⁵, поскольку ночью наша рота заняла передовые позиции и местоположение командного пункта изменилось. В эти минуты стал заниматься новый день. Вначале ярким светом осветились парящие высоко в небе облака. Затем в глубокой ночной черноте начали расплзаться серые сумерки, прорезаемые солнечными лучами. В нескольких сотнях метров справа от нас стали просматриваться заросли кустарника и группы деревьев, окаймлявшие русло реки Буг. Над гладью воды висели ключья тумана. В предыдущие две недели днем и ночью мы часто продирались через изломанные ивы к берегу. Извилистый Буг был здесь не очень глубоким. Вода, отдающая в черноту, была чистой, а ширина реки составляла около 15 метров. Время от времени просматривались водовороты. Попастъ в такой омут с явно выраженными границами было опасно для жизни.

Увязая на перекатах, через Буг на небольших деревянных повозках вброд пытались перебираться евреи, бегущие из генерал-губернаторства⁶. Русские встречали их выстрелами. Наши солдаты передавали друг другу различные истории, ставшие здесь обычным делом. В частности, о том, как один полковник с целью проведения рекогносцировки местности прогуливался по берегу реки, переодевшись в форму таможенника, о том, как русские пытаются очистить пограничную полосу от местного гражданского населения и т. п. Параллельно реке они установили обращенные в нашу сторону большие лицевые панели из циновки и мешковины, какими укрывают футбольные поля от различных пичужек. Нам ничего не оставалось, как смеяться над подобными мероприятиями. Неужели русские ослепли и оглохли?

Впереди меня располагалась наша пехота, а за дорогой разместилась артиллерия, непрерывно прибывавшая сюда последние три дня и три ночи. Каждый сарай служил укрытием для огневой позиции, каждый кустарник скрывал миномет. Через каждые 50–60 метров расположились вырытые в земле убежища, в которых сидели команды с таблицами стрельбы, измерительными треугольниками и радиостанциями. Земля была опутана клубками кабелей. Возле мостов у Сокаля и Кристинополя заняли позиции саперные батальоны. В лесах в полной боевой готовности сосредоточилось бесчисленное количество танков и мотопехоты. Это готовился величайший в истории германской армии натиск, в котором должна была принять участие добрая половина всех немецких дивизий⁷.

По ту сторону Буга наблюдалась большая суета. По ночам долину реки освещали магниевые ракеты, цепочки которых поднимались высоко в воздух. Была слышна работа лесорубов, белыми пятнами выделялись песчаные разработки. В прибрежном лесу вспыхивали огоньки, а на стандартных сторожевых вышках днем и ночью бдели часовые. Разведка выявила время, когда они сменялись. Прошел слух о двух перебежчиках к русским, имевших при себе секретные карты. После их доклада на той стороне стала наблюдаться нервная активность.

⁵ Город Кристинополь в 1951 году переименован в Червоноград.

⁶ Генерал-губернаторство (1939–1945) – административно-территориальное образование на территории Польши, оккупированной в 1939 году нацистской Германией.

⁷ Гораздо больше. В сухопутных войсках Германии (5,2 млн. чел.) имелось 179 пехотных и кавалерийских, 35 моторизованных и танковых дивизий и 7 бригад. Из них были развернуты против СССР 119 пехотных и кавалерийских (66,5 %), 33 моторизованных и танковых (94,3 %) дивизий и 2 бригады. Кроме того, у границ Советского Союза приводились в боевую готовность 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии – Финляндии, Венгрии и Румынии. Позже в войну включились дивизии и другие формирования из Словакии, Италии, Хорватии и Испании. (Примеч. ред.)

О готовящемся нашем вторжении мы догадывались по некоторым признакам, как то: раздача фильтров для противогазов, свертывание тросов, выдвижение танков и орудий. Но многие все еще считали, что военный поход не состоится. Прошел даже слух, что все, что мы делаем, является превентивной мерой для предотвращения нападения с той стороны.

– Как же они будут наступать? – недоуменно спросил Эрхардт, оглядывая пытливым взором заросшие кустарником леса на той стороне. – С чем? Ты же не думаешь, что Сталин сейчас нападет?

– Он просто завидует нашему... – подхватил другой солдат.

– Теперь уже слишком поздно, – заметил кто-то.

В последние недели дороги в Польше были полностью подготовлены. Их проложили перпендикулярно русской границе. Мы прошли по ним маршем от реки Сан до Буга. Таких прямых, как стрела, покрытых бетоном дорог в Польше еще никогда не было. Они предназначались для армейских моторизованных тыловых частей. На ночлег мы останавливались в деревнях, удобно расположенных вдоль дорог. О местных жителях у нас остались хорошие воспоминания.

Этот польско-украинский народ⁸ являлся заклятым врагом русских, поскольку ему всегда приходилось расплачиваться за споры, возникавшие между Москвой, Берлином и Веной. Он был совсем не против того, что мы ударим по русским, так как сегодняшняя граница между Германией и Россией проходила аккурат посередине его территории, и для этого народа было бы гораздо лучше, если бы она пролежала восточнее. Здесь укоренилось мнение, что в русской части Украины урожай снимается два раза в год. Мне доставляло большое удовольствие видеть, как гаснет алчный блеск в глазах этих крестьян, когда я разъяснял им, что это всего лишь миф.

Ко всему прочему, русские были здесь на протяжении нескольких месяцев, за которые провели аграрную реформу, отобрав землю у ее владельцев. Обычный польский крестьянин владел всего лишь двумя-тремя гектарами земли, наделы которой были разбросаны в нескольких местах. Кроме них, ему нечего было терять. Наши боязливые солдаты с большим удовольствием слушали рассказы этих бедолаг о том, что оружие и снабжение у русских никуда не годится.

В зоне ответственности нашей дивизии располагалось три артиллерийских полка. В районе Кристинополя за каждой грудой строительного мусора и щебня в полной боевой готовности стояло штурмовое орудие. Позади нас, во второй линии, дислоцировалась дивизия, в которой я служил раньше. В свое время эта дивизия штурмом взяла Лемберг⁹ в Польше и Абвилль во Франции. Из нее выросли новые части и подразделения при формировании нашей дивизии.

Город Кристинополь на Буге был сильно разрушен, поэтому обломки домов были использованы при строительстве последних отрезков дорог. В самом городе выделялись три большие группы зданий: два монастыря и замок. Один монастырь ранее принадлежал францисканцам, а другой – униатам. Замок в центре города, ранее принадлежавший графу Выховскому¹⁰, являл собой образец польского ренессанса с итальянским влиянием. Хозяева покинули его еще во время Первой мировой войны, и он стал использоваться для нужд магистрата. Белые фасады церквей в монастырях под лучами солнца приобретали особо торжественный вид и красиво оттеняли возвышавшиеся над Бугом массивные башни, выполненные в стиле барокко. Можно только представить, каким красивым ранее был этот город. А сейчас почти все частные дома были разбиты до основания. И ни один человек уже не мог толком поведать о его истории, поскольку все немногие оставшиеся здесь коренные жители были выдворены за пределы город-

⁸ Автор путает понятия «народ» и «население». Польско-украинского народа как этноса не было никогда, да и сам украинский народ как этнос появился совсем недавно – только в СССР в процессе так называемой «украинизации».

⁹ Лембергом при австрийцах (1772–1918) назывался город Львов.

¹⁰ В центре города находится дворец, построенный польским аристократом, графом, магнатом, коронным гетманом Потоцким, который основал город в 1692 года. (Примеч. ред.)

ской черты. В Кристинополе разместился полк, составляющий основу огневой мощи нашей дивизии.

Пару раз мне доводилось бывать здесь среди остатков небольших садилов. Взвод крупнокалиберных минометов нашей роты чувствовал себя в городе хозяином положения и использовал свои преимущества. Солдаты разместились в лучших помещениях покинутого монахами монастыря, возделывали овощные грядки и держали коров. Затененный буковыми деревьями двор с одной стороны был скрыт массивным строением старинного монастыря. Отсюда открывался вид на окрестности Кристинополя. Они походили на большую площадь перед мостом через Буг. Слева от моста начинались позиции нашего полка, простиравшиеся вплоть до Сокаля, лежавшего уже по ту сторону демаркационной линии.

В 3 часа 12 минут я услышал переговоры телефонистов, находившихся в укрытиях вместе с огневыми расчетами, и лязг затворов. Наступал великий момент. В 3 часа 15 минут наводчики тысяч орудий потянули за спусковые шнуры, и раздался чудовищный грохот. Затем наступила тишина. Я услышал высоко в воздухе едва уловимый гул. Это был звук, производимый выпущенными снарядами. Мгновение – и они достигли заранее рассчитанных целей по ту сторону Буга. Стали видны вспышки, падающие деревья, фонтаны земли, грибовидные черные клубы дыма от разрывов. Небо озарилось языками пламени, и послышался глухой рокот, как будто заиграл невидимый орган – началась война.

Вой снарядов перекрывал грохот новых выстрелов и взрывов. Огневой удар перерос в настоящий ураган, разразившийся на всем протяжении фронта. Со стороны Сокаля послышался стрекот пулеметов. Это пехота, выбравшись из своих нор, устремилась к реке. Деревянная ветряная мельница превратилась в пылающий факел. С той стороны – ни единого выстрела. Русские попали под железные молотилки и пилы, как жители городов Аммона во время военных походов Давида, описанных во Второй книге царств.

Я стоял на проезжей части дороги в ожидании курьера, как вдруг с востока, пролетев над деревьями, появился самолет, стреляя из всех пулеметов. Внезапно он перевернулся и стремительно пошел вниз хвостом вперед. Упав в пойме реки, машина взорвалась. Меня всего затрясло, и я бросился в поле, где присел, крепко вцепившись руками в траву на меже. Мое тело дрожало, а зубы лязгали. Так я и сидел, потрясенный, в полном одиночестве.

По дороге со стороны Кристинополя пронеслись первые грузовики с открытыми тентами, в которых сидели солдаты. Их лица были белее снега. Я поднялся. Пехота уже вступила в бой, так что курьер должен был вот-вот появиться. В лесу по ту сторону реки непрерывно взрывались боеприпасы в горящих складах. Туман неохотно стал рассеиваться, превращаясь в серебристую вуаль под лучами восходящего солнца. Справа стали проступать тонкие очертания моста у Сокаля и золотые купола церквей объятых пламенем города. Треск непрерывно стреляющих в восточном направлении боевых машин заглушали тяжелые удары артиллерийских орудий.

Я вновь вышел на дорогу. Ураганный огонь продолжался, то немного стихая, то опять набирая силу, кромсая лес и катясь дальше подобно огненному валу. Сильный шум и треск напугал птиц. Они металась в воздухе и пытались спрятаться в густых зарослях кустарника. Казалось, весь животный мир пришел в движение: ослепленные страхом мыши, зайцы, кролики перестали убегать от людей и в смятении бросались прямо под ноги.

Со стороны Сокаля на велосипеде появился знакомый мне Бургхард и сообщил, что генерал фон Рейхенау¹¹ с пехотой переправился через мост и вошел в горящий город. Бургхард был родом из крестьянской семьи, и все свое детство провел в Баварии на берегу реки Альтмюль.

¹¹ Фельдмаршал (с 1940 г.) Вальтер Рейхенау (1884–1942) командовал 6-й армией до декабря 1941 г., когда был назначен командующим группой армии «Юг». Он скончался 17 января от последствий сердечного приступа, поразившего его 12 января после обычного для фельдмаршала утреннего кросса, но при сильном морозе (немцы утверждали, что ниже минус 30 по Цельсию). Дело усугубила аварийная посадка самолета, перевозившего Рейхенау в Лейпциг. (Примеч. ред.)

Чувствовал он себя не лучше меня. Его бронзовая от загара кожа приобрела землистый оттенок, а костяшки и ногти пальцев рук, сжимавших руль, побелели. Отъезжая, он пробормотал: – Ладно, мне пора.

Всегда следует задавать вопросы умным людям. В современной истории таким мудрецом является Токвиль¹², который сказал в свое время, что централизация и демократизация являются тем путем, по которому в будущем пойдет человечество. Их носителями выступают Россия и Америка. Первая со своими диктаторскими, а вторая – свободолюбивыми мероприятиями. Шпенглер¹³ вынес этой идее наш приговор, который можно сформулировать так: закат Европы. От нас ничего не зависит. Все совершается над головами. Мы слышим свист летящих снарядов и видим разрывы. От таких мыслей у меня навернулись слезы на глазах.

Наконец-то за мной пришли. Курьер из Кристинополя сам нашел командный пункт нашей роты и сообщил, что с первыми залпами наша пехота устремилась через мост и была встречена огнем стрелкового оружия русских, который они вели из оборудованных в земле огневых точек. Атака была успешной, и легкая артиллерия произвела смену позиций. Нашей роте приказано готовиться к переправе. В общей сложности через этот единственный мост должны переправиться более тысячи машин, не считая обозов. Южнее у городка Белз атака на мост захлебнулась. Поэтому орудия развернули в ту сторону, чтобы подавить огневые точки противника.

К 11 часам утра линия обороны русских была взломана по всей границе. Пехотные части продвинулись далеко вперед и вели в глубине леса упорные бои с небольшими группами русских в ожидании подхода артиллерии и танков. Мы быстро переправились через мост и углубились в лес. Почва в нем была заболочена, и продвигаться по ней было настоящей пыткой для людей и лошадей. В 3 часа дня появились русские самолеты и наугад забросали лес легкими бомбами. Они разрывались при ударе о верхушки деревьев, пугая лошадей и делая не столько вреда, сколько шума. Огонь из нашего стрелкового оружия, похоже, им не мешал.

После полудня налетела гроза. Она быстро закончилась, и снова выглянуло солнце, пробивая своими обжигающими лучами спасительную крышу из листьев деревьев. Эта отдающая золотом зелень ввела нас в заблуждение. Весь лес оказался гигантским парником. Болотная жижа, пропитавшая форму, смешанная с потом, жгла кожу. Наконец мы наткнулись на родник и смогли напоить лошадей, а также помыться. Местность то поднималась, то опускалась, как до этого в Карпатах, и каждый раз нам казалось, что лес кончается. Но солнце нас обманывало, высвечивая то поляны, то просеки. Наши мучения продолжались все снова и снова. Постоянно поступали ложные сигналы воздушной и танковой тревоги. В конце концов нам надоело вздрагивать при каждом шуме мотора, и мы стали воспринимать возгласы о том, что впереди находятся танки противника, как шутку.

Так мы и маршировали час за часом, все дальше втягиваясь в раскинувшийся по берегам Западного Буга лес. Нам трудно было выдерживать определенное направление, поскольку мы постоянно наталкивались на большие и малые группы грузовиков с прицепами и других моторных транспортных средств. Вся местность была запружена тысячами таких машин, столь необходимых для всех воинских частей. Мы вынуждены были обходить их, двигаясь то назад, то снова вперед, медленно, но неумолимо приближаясь к назначенной цели.

Мне пришлось тащить с собой велосипед, и я время от времени нес его на руках. Цанглер приказал мне разыскать командный пункт полка, поэтому я двигался самостоятельно. Внезапно показалась опушка леса, где расположился разведывательный отряд артиллерийских наблюдателей. Они не могли двигаться дальше, поскольку артиллерия вышла на предельную

¹² **Токвиль** Алексис-Шарль-Анри Клерель де (1805–1859) – французский политический деятель, мыслитель и историк XIX в., известный своими исследованиями в рамках сравнительного правоведения, в частности, уголовного и гражданского права Америки.

¹³ **Шпенглер** Освальд Арнольд Готтфрид (1880–1936) – видный немецкий философ, культуролог, историк.

дальность стрельбы. Пришлось сообщить им, что в ближайшие часы по лесу не пройдет ни одно орудие. Пехотинцы, выбившись из сил, спали мертвецким сном рядом со своими мотоциклами. Сон для восстановления физического истощения станет единственным видом отдыха во время всей Русской кампании.

К вечеру я вернулся в свою роту. Точнее сказать, в один из ее многочисленных отрядов, на которые она разделилась во время утомительного движения по лесу. Эрхард, Хан и даже Цанглер пытались самостоятельно разыскать наш полк, но тщетно. Поэтому Цанглер вновь ускакал на своей лошади, поручив гауптфельдфебелю Фуксу позаботиться о сборе отбившихся взводов. Ночь мы провели на лугу возле кучи кирпичей. Судя по всему, русские хотели их использовать для возведения оборонительных сооружений. Так и спали, тесно прижавшись к кирпичам, используя их как укрытие от стрелкового оружия.

Я спал как убитый, но время от времени в моем мозгу вспыхивали воспоминания. Мне снились ландшафты Польши и Франции: леса вокруг Радома и Компьеня, старинные башни Парижа, которые я наблюдал в бинокль вечером накануне взятия города. Перед глазами вновь встали золотые купола Сокаля, блестящие в лучах восходящего солнца сегодняшнего утра. Видения сменила картинадвигающейся через мост и штурмующей город пехоты во главе с генералом фон Рейхенау. Приснится же такое: золотые купола церкви Сокаля, сверкающие в тумане под утренними лучами солнца в четыре часа!

Все смешалось в моем сне: трагическая мелодия, дурман и похмелье от выпитого рома, восторг от Бордо, рядовой Лазарь, перепивший вина в погребке Ирсона. Я вновь увидел его, валявшегося без чувств. Обстановка сменилась. Теперь передо мной встала палатка, брезентовые стенки которой были прошиты дырами от пуль, с расprostертыми внутри телами. Пятеро человек с переплетенными конечностями лежали друг на друге, словно только что нарубленные дрова. И запах крови. Вдруг появились марокканцы в красных халатах, Цанглер в одеянии офицера спаги¹⁴, скачущий по садам Шантильи. Настоящий винегрет из вымысла и реальных событий. Победы, которые невозможно потерять или изменить, поскольку они вошли в историю: падение Польши, Франции... И над всем этим лились песни и плач Давида, одетого в доспехи. Грезы, одним словом!

Нас разбудил рев моторов самолетов, пронесшихся на крутом вираже чуть ли не над нашими головами. В утреннем небе под лучами восходящего солнца шла битва между «мессершмитами» и русскими летчиками.

При свете дня дело пошло быстрее. Мы вышли на шоссе, вдоль которого была проложена летняя дорога для движения тракторов и прогона скота. Шоссе было вымощено булыжником. У нас так выглядели дороги лет двадцать назад. Мы построились и двинулись на восток. Наша пехота была уже далеко впереди, а русские еще дальше.

В селениях нас встречали как освободителей. Русские нарушили польские аграрные устои, национализировав землю, что имело смысл в отношении помещиков. Но как только они стали превращать крестьян в рабочих, сразу же утратили ореол борцов против капиталистов. Навстречу нам выходили мужчины с хлебом и солью, женщины щедро угощали нас молоком, а девушки надевали свои лучшие наряды. Повсюду развевались украинские флаги. Мы вынуждены были смотреть представления, которыми украинский народ хотел выразить перед немцами свое предвкушение грядущей свободы. С присущим побежденному противнику унижением местные жители утверждали, что Красная армия плохо одета, слабо вооружена и практически не имеет налаженного снабжения. Но что касается дисциплины, то она по-варварски строга.

¹⁴ **Спаги** – род легкой кавалерии, входивший в состав французской армии. Комплектование происходило в основном из местного населения Алжира, Туниса и Марокко. Термин представляет собой французскую транскрипцию названия турецких кавалеристов – «сипахи».

Мы жадно ловили каждое их слово, нас интересовали все детали, касающиеся таинственного противника. Но вскоре выяснилось, что все сведения были далеки от действительности, поскольку являлись своеобразным выражением ненависти, страха и злословия. Не соответствовали действительности и географические понятия. Для польских крестьян Киев был недалеко, польское значение слова «Украина» ассоциировалось у них с русской Украиной. Они не разделяли польскую и русскую части этой территории, воспринимая ее как единую страну, имеющую одни расовые корни, язык, религию и историю.

В городах отношение к нам было иное. Мы проследовали через Радехов, пустой, разграбленный и унылый во всех отношениях. Жители его покинули. Здесь шли бои. При выходе из города мы увидели стоящие поперек траншей восемь или десять русских танков, напоминающих искореженные жестяные банки. Их экипажи состояли из трех или четырех человек. Танкисты не смогли выбраться наружу и уже мертвыми продолжали сжимать кто пулемет, кто рычаги управления, кто ручку наведения. Одни были изранены, на других обгорела только форма, а некоторые обуглились полностью. Мертвенно-белые руки и лица, напоминающие восковые маски, бритые затылки и вздувшиеся на жаре животы производили удручающее впечатление. Похоже, они стали жертвами серийного бомбометания по движущейся колонне.

За Радеховом раскинулся городской парк с широкими протоптанными тропинками. Мы заехали в него и стали занимать оборону, так как пришло сообщение, что со стороны Лемберга были замечены танки противника. Наша главная линия обороны проходила по восточному краю парка. Ближе к ночи мне вновь было поручено разыскать командный пункт на шего полка, который должен был находиться где-то в лесу. Я сбился с направления и оказался в расположении нашего левого соседа. Там мне подсказали дорогу, и я, оседлав свой велосипед, немного проехал и натолкнулся на разведотряд нашей 2-й роты.

– Как ты здесь очутился? – спросили меня.

Пришлось объяснять, что к чему. Они сильно удивились и раскрыли мне глаза на то, что вместо того, чтобы ехать в тыл, я направился вперед в сторону противника. Настала моя очередь удивляться:

– Странно, но мне не довелось увидеть ни одного русского!

– Охотно верим, – откликнулся унтер-офицер. – Однако имей в виду, вся местность так и кишит разведгруппами русских. Давай мы отметим тебе на карте дорогу.

Услышав, что у меня нет карты, он только покачал головой, а затем рукой указал правильное направление. Вскоре после этого мне повстречался Хайне, с которым мы пили на брудершафт в Санлисе. Только потом я наконец добрался до командного пункта полка. Цанглер был уже там. Он с ухмылкой поприветствовал меня и пригласил в палатку к курьеру. Похоже, ему было радостно видеть хоть одно знакомое лицо. Цанглер предпочитал проводить время с курьерами, а не с офицерами.

Как командир 13-й роты¹⁵ нашего полка, он должен был выполнить очень ответственную задачу. Как всегда, Цанглер сразу же бросился ее исполнять, вместо того чтобы дожидаться соответствующего приказа. Неудивительно, что отношение к нему было как к извозчику или девушке по вызову.

К этому следует добавить, что в то время взводы артиллерийской роты находились обычно в батальонном подчинении. Поэтому командиру роты пехотных орудий было трудно пробиться в майоры. (К концу войны применение в войсках тяжелого вооружения претерпело изменения. По примеру русских оно стало концентрироваться на направлениях основных уси-

¹⁵ К моменту нападения на СССР полковая артиллерия в вермахте была сведена в особую роту, имевшую обычно номер 13. Среди тяжелого пехотного вооружения были не только станковые пулеметы и минометы, но также легкие и тяжелые пехотные пушки. Таким образом, в распоряжении каждого командира полка имелась своя артиллерия.

лий. Стал накапливаться соответствующий опыт, но в военных школах его так и не преподавали.)

В полдень артиллерия стала ставить заградительный огонь перед выдвигающимися русскими танками, стреляя с позиций, располагавшихся позади парка. От грохота орудий можно было оглохнуть. Стрельбу корректировала авиация. Юго-восточнее начали подходить наши танки и полк «Герман Геринг»¹⁶. Это была великолепно оснащенная и полностью моторизованная воинская часть, личный состав которой был облачен в летную форму. В ней насчитывалось больше техников, чем солдат, гордых и высокомерных, получавших в качестве пайка шоколад. Да, да, шоколад, черт побери! Об этой части был снят даже фильм, который показывали в «Вохеншау»¹⁷. Оставалось только позавидовать службе этих солдат, носивших длинные волосы, сидевших на складных стульчиках и слушавших радио.

По краю парка развернулось бесчисленное количество орудий. В 300 метрах впереди прямо в голом поле окопалась пехота с противотанковыми пушками. Мне стало страшно. Перед нами на 2 километра простиралась пашня, полого поднимавшаяся к холму. Оттуда и ожидалось появление противника.

Мы с Эрхардом болтались без дела и решили, на свой страх и риск, завоевать себе лавры героев. Мы соорудили связки гранат и вскарабкались на дерево. Когда с горки смотришь на море, кажется, что горизонт расширяется. У нас произошло то же самое – края пашни отодвинулись на восток, и мы увидели спускающиеся с холма танки. И тут раздался страшный грохот, над головами послышался свист, и ветки угрожающе зашелестели. Затем наступила гробовая тишина. Мы чуть ли не кубарем скатились с дерева и лихорадочно стали копать себе глубокий окоп.

Стали приближаться русские танки, похожие на громадных улиток. Покрутив башнями, они на мгновение останавливались, изрыгая пламя, и двигались дальше. Мы насчитали около 30 машин. Пехота их не сопровождала. Наши орудия на краю парка открыли огонь. Танки накрыло облако дыма, песка и пара. Когда оно опустилось, на пашне без движения осталось стоять 20 объятых пламенем машин. Это придало нам храбрости.

Некоторые танки беспомощно крутились на месте на одной гусенице. Над их башнями показались белые полотнища.

– Они капитулируют! – закричал кто-то.

Но тут с гребня холма стала спускаться новая глубоко эшелонированная группа танков. Машины постоянно меняли направление движения, чтобы в них было труднее попасть. Из первой группы некоторые наклонили белые полотнища. У русских это означало: «Отбуксируйте нас!» Вторая группа надвигалась на нас, продолжая стрелять, но была накрыта вторым мощным залпом со стороны парка. Когда дым от разрывов рассеялся, часть их осталась безжизненно стоять, но оставшиеся 16 танков быстро наехали на пехоту и стали ее утюжить.

– Внимание! – закричал Эрхард. – Один движется на нас!

– Приготовься! – отозвался я, бросаясь на дно окопа с ручной гранатой в руках. И вовремя. Над головой со страшным лязгом проехала многотонная машина.

Над нами свистели пули. Это из кустарника строчили наши пулеметы. В это время в башню головного русского танка попал снаряд. Второй получил пробойну сбоку, а третьему перебило гусеницу. Они загорелись. Все это было заслугой орудия, замаскированного в кустарнике недалеко от нас и до поры до времени молчавшего. Теперь оно стреляло снова и снова. В

¹⁶ Имеется в виду элитная часть люфтваффе «Герман Геринг» (нем. Hermann Göring), лично подчинявшаяся рейхсмаршалу Герману Герингу. Созданная на базе полицейского батальона, за период своего существования она была развернута в танковый корпус (парашютно-танковый корпус, в октябре 1944 года, состоявший из парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» и парашютно-моторизованной дивизии «Герман Геринг»).

¹⁷ «Немецкое еженедельное обозрение» – немецкий пропагандистский киножурнал времен Второй мировой войны, выпускавшийся в 1940–1945 гг.

результате были подбиты 6 танков. Одни получили пробоины в борту, другим снесло башню. Через 8 дней за этот подвиг наводчик, ефрейтор из Аугсбурга, был награжден Рыцарским крестом. Это была первая наша награда.

На следующий день мы двинулись по полю брани на восток. Наш марш пролегал по полям, засеянными хлебами.

Проходили день за днем, а они не кончались. Вспотевшие пехотинцы вынуждены были расстегивать форменные куртки. Затем потянулись участки земли, выжженные солнцем. Потом пошел дождь. И тут начались болота. В полдень два взвода заняли позиции по охране наших флангов. Мы остановились. Час проходил за часом, и никто не мог понять причину столь длительного простоя. Солдаты начали ворчать и, выбрав себе удобное место, стали располагаться ко сну. А нам с Ханом было приказано найти отставший обоз и привести его в расположение роты.

Возле позиций первого взвода нашему взору открылось печальное зрелище: лежащий прямо на дороге среди орудий умирающий Майрхофен. Я познакомился с ним в первые дни войны во Фридберге, и с тех пор мы старались держаться вместе. Он был родом из Аугсбурга и ранее работал токарем, зарабатывая приличные деньги и чувствуя себя довольно уютно возле своей рано овдовевшей матери. Его отец погиб во время Первой мировой войны, так и не увидев сына. Майрхофен рассказал мне в присущей ему грубоваторадостной манере всю свою жизнь. У него было две женщины, которые ничего не знали друг о друге. Одна родила ему ребенка, но жениться после войны он хотел на второй. Его нельзя назвать легкомысленным, просто жизнь была из него ключом. Он был толстым и очень добродушным человеком, много пил и не пропускал ни одной юбки. Майрхофен был убежден, что на войне с ним ничего плохого не случится, а теперь оказался первым из числа моих близких знакомых лежащим в ожидании конца с осколком снаряда в животе.

На позиции все было спокойно. Каждые два часа взвод делал пару выстрелов для остротки. Противник тоже не делал резких движений. Но один снаряд все же был им выпущен и разорвался буквально за пару минут до нашего с Ханом прибытия. Майрхофен, похоже, узнал нас – из его глаз покатались крупные слезы. Мы молчаливо стали наблюдать, как его грузят в санитарную машину, а потом, так же молча, легким галопом поскакали прочь. Мне вспомнилось, что свое боевое крещение я принял с Майрхофеном два года назад недалеко отсюда, в Восточной Галиции. Фукс рассказал нам потом, что он умер еще по дороге.

Перед городом Хмельник русские в свое время создали тыловой рубеж. Но похоже, его удалось взять довольно легко, потому что мы, следуя во втором эшелоне за частью эсэсовцев, нигде больше часа не задерживались. Через два дня подразделения нашей роты проследовали через Броды. Это городок районного значения бывшей Галиции. Большая часть из его 20 тысяч жителей, половину из которых составляли евреи, бежала. Над оставшимися эсэсовцы надругались, а затем многих убили. Трупы лежали прямо в придорожных канавах. Матери показывали нам своих мертвых детей, а мужчины говорили:

– Что вы с нами делаете? Мы же немцы.

Это были евреи: ремесленники и торговцы, мечтавшие со времен установления Веймарской республики вернуться в Австрию и Германию, Вену и Берлин, где они, как им казалось, могли бы быстро разбогатеть и стать уважаемыми людьми. В польском окружении у них складывалось ощущение, что здесь им не рады. Сказывалась разница в языке и религии.

– Послушай, – обратился ко мне Эрхард, – они как-то странно говорят. Я их и понимаю, и одновременно нет.

Местные жители коверкали гласные и нарушали грамматику.

– Поразительно! – продолжал удивляться Эрхард. – Что это за язык?

– Еврейский, – ответил я.

– Но они говорят почти по-немецки.

– Это и есть еврейский (идиш).

– Почему не иврит?

– Но ведь мы тоже не говорим по-германски.

– Но их нельзя убивать!

– Конечно! – подхватили женщины и зарыдали. – Посмотрите на эти маленькие птички!

С этими словами они вытянули руки и продемонстрировали выжженные на них эмблемы вермахта. То поработали эсэсовцы.

– Вот где место этим птичкам! – крикнула одна из них, указывая пальцем на мою грудь, где на форменной куртке красовалась такая же эмблема¹⁸.

– Мой отец служит в СС, – тихо пробормотал Эрхард.

Мы без труда читали на еврейском (идише), но, когда местные евреи начинали говорить друг с другом, понять их нам не удавалось. Другое дело, если они, отчетливо выговаривая слова, читали по написанному. Тогда смысл становился ясным. Так было бы, если б между собой на своих диалектах стали общаться жители Мюнхена и Берлина.

При Габсбургах евреям здесь жилось ни хорошо, ни плохо. Под Польшей они страдали из-за своенравия и национального высокомерия поляков, но в сравнении со своими собратьями в соседней России чувствовали себя счастливыми. Об этом можно прочесть у Йозефа Рота¹⁹ и многих других писателей, перешедших с еврейского языка на немецкий. До 1914 года евреям из Галиции для роста по карьерной лестнице обычно необходимо было перебраться в Вену или Берлин, как сегодня в Тель-Авив или Нью-Йорк.

Здесь, в Галиции, были города, такие как Опатув и Островец-Свентокшиски, чье население почти на 100 процентов состояло из евреев. Мы познакомились с евреями еще во время завоевания Польши: с их бедностью, болезненностью, страхом, смиренностью и ремесленным мастерством. У еврейского народа не было политических амбиций. Они постоянно становились козлами отпущения, а сейчас их стали уничтожать даже с помощью технических средств. Тогда мы не имели ни малейшего понятия о том, что с ними происходило. Когда наша часть передислоцировалась из Франции в Польшу, евреи уже жили не в своих маленьких городах и селах, а в гетто в самых нищенских условиях, из нужды продавая остатки своего имущества. Их возможности заниматься привычным делом – торговлей и ремеслом – были сведены до минимума. Но они продолжали верить, что их страдания закончатся, если немцы, которых они на свой лад считали всемогущими, победят. Тогда, как они надеялись, евреи снова, как в XVIII веке, займут промежуточное связующее звено между германскими господами и славянскими массами.

Погром, учиненный эсэсовцами в Бродах, таким образом, был своеобразным напоминанием о временах, когда там правил царь. Получается, что немецкие освободители от русских пришли как убийцы. Это был шок, часто встречающийся в мировой истории. И как всегда, последствия его были ужасными. Именно здесь кроются причины нашего поражения. Местное гражданское население в конце концов стало нас настолько сильно ненавидеть, что принялось тосковать по русским. Ошибки, совершенные в мелочах, со временем набрали на Украине и в России всемирно-исторический вес.

Оставшиеся полчаса мы подавленно следовали по городу в тягостном молчании. Как только население поняло, что имеет дело с регулярной воинской частью, страх у людей пропал. Возможно, они стали даже испытывать чувство стыда за то, что нас так встретили. По крайней мере, нам было стыдно. И это чувство мы переживали по милости нашей идеологической элиты. Здесь личный состав роты впервые ощутил некую раздвоенность, которая, соб-

¹⁸ Нашивка в виде орла с распростертыми крыльями на свастике. Располагалась горизонтально на правой стороне груди на уровне второй пуговицы.

¹⁹ **Йозеф Рот** (1894–1939) – австрийский писатель и журналист.

ственно говоря, мучила каждого немецкого солдата: как соотносится с интересами Германии то, что провозглашал и требовал национал-социализм, а точнее, партия, и как соотносится с интересами Германии то, что совершал каждый отдельно взятый немец. Когда такие установки приводили к преступлениям, как здесь, например, германский солдат смотрел на это с омерзением. Но солдат есть солдат и не может снять с себя военную форму и перестать повиноваться приказам.

Эрхард скакал на лошади рядом со мной и все время самым грубым образом ругался на баварском диалекте. Ведь он был моим лучшим другом и доверял мне. В своей гражданской жизни Эрхард являлся подмастерьем пекаря и в последнее время мучился вопросом, стоит ли ему стать профессиональным военным. В Ингольштадте с ним все время случались различные истории, и он все более склонялся, оставшись в вермахте, покончить со всеми проблемами, связанными с невестами, кормящими матерями, мэтрами и трактирщиками. Обычно я отговаривал его от этого шага, рисуя радужные картины, как он, будучи владельцем пекарни и автофургона, радуется жизни в собственном роскошном особняке. Эрхард соглашался с моими доводами, но ненадолго, вопрошая:

– Тебе-то откуда это известно?

– Мой дедушка был пекарем и умер бургомистром, – отвечал я.

– Он, наверное, выгодно женился?

– Конечно!

– Вот где собака зарыта. Но мне никогда не удастся найти подходящую жену, а если и найду, то она будет за мои выкрутасы на меня злиться до смерти.

Мы подошли к отрогам Авратинских высот²⁰ и остановились там, где начиналось большое болото. Небо было затянуто облаками, несущимися в северном направлении. Обрушившийся дождь буквально заливал низины. Дороги развезло. Наша рота разместилась на отдых в деревне. На конец-то представилась возможность вытянуться на соломе, положив голову на подушку. Это были прекрасные часы, которые ценит каждый военный. Мы играли в карты, брились, стриглись, стирали форму, ели вареники и жарили кур.

Хан поругался с Эрхардом, шваб с баварцем. Они не любили друг друга. Хан был очень деловым и амбициозным унтер-офицером, мечтавшим получить погоны лейтенанта и награды.

– Тебе надо скорее записаться в пехоту! – кричал Эрхард. – Из тебя вышел бы великолепный пешеход!

– Пешеход?! Что ты имеешь в виду? Я – бегун. Причем скоростной! Меня даже направляли на олимпиаду!

– Не заливай! Тебя – на олимпиаду? Вот уморил-то! Что-то тебя не показывали в «Вохеншау», чемпион! Джемс Оуэнс...²¹

– Я сказал, что меня направляли на олимпиаду. У нас в округе...

– Ты видел Оуэнса? Какие длинные у него ноги? Да ты по сравнению с ним просто пигмей!

Хан действительно был низкорослым, что его сильно удручало, но надо отдать ему справедливость, бегал он на самом деле хорошо. Обычно по утрам его можно было видеть в плавающих делая пробегу. Это смотрелось довольно нелепо в преддверии дневного 30–40-километрового марша.

Вечером 5 июля наша рота пересекла старую политическую границу России²², но никто из нас сразу не понял этого. Перед нами лежали бесконечные пшеничные поля. Ни деревца,

²⁰ Село Авратин находится восточнее реки Збруч, близ ее истока в Хмельницкой области. (Примеч. ред.)

²¹ Оуэнс Джеймс Кливленд (Джесси) (1913–1980) – американский легкоатлет, специализировавшийся на спринтерском беге и прыжках в длину. На Олимпийских играх 1936 года в Германии стал четырехкратным олимпийским чемпионом.

²² Очевидно, имеется в виду граница между Польшей и Советской Россией (с 1922 года СССР) с 1921 по 1939 год. Старую же границу между Российской империей и Австро-Венгрией (на 1914 г.) автор пересекал сразу же после прохождения города

ни дома, ни села. Мы шли по проезжей дороге и дальше оставались бы в неведении, если бы не маляр Вилли Рюкенштайнер, бывший подмастерье родом из Вены, который прискакал к нам из обоза.

– Это Россия! – крикнул он. – Смотрите, какие широкие дороги! Сегодня ночью я видел первого ивана!

Утром мы вошли в деревню, состоявшую из одной улицы, по сторонам которой стояли мазанки. Выделялась бывшая помещичья усадьба. Над ее сбитыми из горбыля воротами был водружен знак в виде серпа и молота. Виднелась также особняком стоявшая деревянная башня с колоколом. Жители, одетые в какие-то серо-коричневые лохмотья, увидев у нас в руках денежные купюры, стали доставать из карманов и предлагать нам куриные яйца. По дороге пробежала свинья, и солдаты нашей полевой кухни ее поймали. Тут появился Хан в крестьянской повозке и выгрузил из нее котелок с сахаром.

– Приготовь яичный ликер, Эрхард! – крикнул он, потрясая бутылкой водки.

– Ты же не пьешь!

– Для вас! – Хан не употреблял алкоголь и мясо.

Эрхард сварил напиток. И хотя ликер получился приторно сладким и очень тягучим, мы выпили его с большим удовольствием.

– Эрхард, тебе надо испечь хлеб, – с некоторой долей издевки произнес Хан. Он входил в командный состав нашей роты и был нашим начальником. – Продовольствие в ближайшее время не подвезут, а мы находимся во враждебной стране.

Хан привез с собой круглые буханки русского хлеба из отрубей, кислые и невкусные.

– Этого не хватит. Ты должен заняться выпечкой хлеба! – уже в приказном тоне повторил он, с отвращением отворачиваясь от жаркого из свинины.

После перекуса Эрхард принялся колдовать над большой кадкой с тестом. Муки у нас хватало, а закваской мы разжились у местных жителей.

Я с интересом осматривал усадьбу.

– Колхоз! – пояснили проходившие мимо меня женщины и рассмеялись. – Сталин капут!

Они поддакивали каждому нашему слову. Местное население жило небогато. Посуда в домах была из глины, полы в комнатах – земляные. Конюшни, хлева, курятники и сараи стояли крепкие, но бедные. От бывшего помещичьего дома остались одни руины. Невдалеке виднелась обшарпанная, вылепленная из гипса фигура Сталина во френче и сапогах с отворотами. Перед скульптурой красовалась клумба, обрамленная белым гравием. Все это было обнесено невысокой, окрашенной в белый цвет оградкой. Наверняка Сталин стоял на том же месте, где ранее сидел помещик, отдавая распоряжения своим крепостным, что было очень символическим для России, в которой партия и была государством.

Положение сельских тружеников было таким же, как и до отмены крепостного права, с двумя небольшими, но очень важными отличиями. Условия жизни были немногим лучше, чем в 1863 году, когда крестьяне получили свободу²³, что дало им право на переезд в город и стать рабочими или, по определению Карла Маркса, пролетариями. А с другой стороны, эти условия стали несколько хуже, поскольку количество скота, остававшегося в личном владении, из-за патриархальных отношений на селе в большинстве своем уменьшилось. Советская система вернула крестьян в дореформенное положение, перечеркнув историческое развитие, начатое под влиянием Запада. Таким образом, аграрное и социальное устройство новой Рос-

Броды. (Примеч. ред.)

²³ Автор путает исторические события. В 1863 г. на территории Польши, входившей в состав Российской империи, Западной Белоруссии и Украины вспыхнуло крестьянское волнение, связанное с объявлением рекрутского набора, получившее название «польского восстания», которое было жестоко подавлено. Оно ускорило проведение на этих землях крестьянской реформы на более выгодных условиях, чем на остальной территории Российской империи. Однако сама крестьянская реформа по отмене крепостного права была начата в Российской империи в 1861 г.

сии осталось традиционным. Грабительское изъятие дворянского имущества в государственную собственность объясняет возможность и причину возникновения новых революционных выступлений в этой стране. Функции помещиков, у которых изъяли собственность, взяло на себя государство. Собственники скота и батраки превратились в государственных рабочих.

Идеи Ленина были верными и заставили содрогнуться весь западный мир. Они объясняли, почему именно с России должна была начаться мировая революция. Но они были и одновременно наивными. Ведь в России отсутствие гражданской свободы не воспринималось как зло. Понятия свободы, демократии и либерализма в России трактуются иначе и в том смысле, как они понимаются на Западе, и воспринимаются русскими как анархия.

В античном мире, между прочим, тоже отсутствовали абсолютные гражданские свободы. Но что понимали под свободой русские? В их понимании она заключалась, если так можно выразиться, в богосыновстве²⁴, что на Западе отсутствует и определяется как малодушие и слабость.

Я пытался обнаружить следы этих древних качеств русских людей. Они не могли исчезнуть, ведь ангел-хранитель народа бессмертен. У немецких солдат вызывало удивление наличие почти в каждом русском доме икон святого Николая, Матери Божьей, великих чудотворцев и святых заступников ортодоксальной церкви. Иконы везде были украшены и перед ними горели лампы. Когда мы в первый раз увидели в домах иконы с ликом Божиим, то задали себе вопрос: «Может быть, они сделали это из-за нас?» Тогда Эрхард провел пальцем по раме.

– Пыль и паутина, – констатировал он, демонстрируя мне свой палец. – Это не могло появиться по мановению волшебной палочки.

Хозяйка дома попыталась помешать ему.

– Успокойтесь, – остановил ее Эрхард. – Мы просто хотим удостовериться, что вы не водите нас за нос.

Женщина с изумлением уставилась на него, всем своим видом как бы говоря: «Как могут эти безбожники так думать?» Затем она улыбнулась и сама сняла икону со стены, продемонстрировав светлое пятно на обоях. Хозяйка укоризненно покачала головой.

– Сталина нет? – спросил ее Хан, который ханжество ненавидел больше, чем политику.

– Сталин капут, – ответила она.

Знакомая картина.

Позднее мы видели, как русские толпами несколько часов шли к церкви, чтобы принять участие в воскресном богослужении, слышали их долгое смиренное пение возле иконостаса. Молодежи, правда, все это было безразлично. Она уже привыкла рассматривать церкви как складские помещения или клубы. Но в минуты смертельной опасности даже молодые русские солдаты осеняли себя крестом и целовали медальоны, которые они носили на шее.

Российское христианство, богосыновство, раболепие перед Богом, святые среди святых, благочестивые суеверия, смешанные с магией, обезображенные остатки свободы человека во имя Господа, связанные с фетишизацией государства как наследия царского режима, – все это слилось в единое целое в искаженном понимании благих целей. Но политические понятия свободы, принятые на Западе, вызывали здесь усмешку. И в этом взгляды Гитлера и Сталина совпадали. В издании законов по защите животных перед объявлением охоты на людей усматривается вырождение гуманизма. Чего стоит одно только провозглашение отмены смертной казни при планировании массовых убийств! И Гитлеру, и Сталину свобода представлялась варварским пережитком. Но пожилые русские за нее шли на смерть, в то время как молодые боготворили машины, тракторы и Америку. Это не могло не привести к разложению. Они вос-

²⁴ **Богосыновство** – это понятие, характеризующее личные отношения человека и Бога по подобию отношений любящих отца и сына.

хищались нашими мотоциклами и самолетами с детским восторгом, несмотря на то что они несли смерть. А ведь известно, что тот, кто восхищается своим врагом, – тот проиграл²⁵.

К слову, Советы придали марксизму культово-магические черты, правда, весьма примитивные, что не исключало избиения идола, если этот идол давал осечку. Абсолютная параллель гитлеризму. В момент обрушения с пьедестала никто не хочет быть рядом. Это не свидетельствует против верующих, а говорит против их фетиша. Во всех селах мы видели облезлые и обветшалые гипсовые статуи Ленина и Сталина, служившие мишенями для метания ножей.

На следующее утро наша рота двинулась дальше. Со стороны показавшегося леска у военной дороги слышались выстрелы. В обед мы проследовали по небольшому городку, начинавшемуся с бензоколонки с бочками. Затем потянулись бесконечные одноэтажные домики с верандами, стоявшими на широкой улице с телеграфными столбами, пустыми лавками и палатками. Виднелось здание городской управы. Складывалось такое впечатление, что все было, и в то же время ничего не было. Кюр, который несколько лет проработал в Америке барменом, пробормотал:

– Совсем как на Среднем Западе.

С одной лишь бросавшейся в глаза разницей: нигде не было видно рекламы. В ней из-за дефицита товара просто не было нужды.

После того как мы пересекли однокорейку, Цанглер, приказав мне и одному из наших курьеров следовать за ним, поскакал в начало колонны. Внешний вид нашего полка после того, как в нем появилось несколько сотен телег, сильно изменился.

Между тем авангард полка натолкнулся на противника. Курьеру было поручено привести туда два наших взвода. Стоял знойный безветренный летний день, и мы изнывали под палящими лучами солнца, в то время как на краю бескрайнего поля гроыхала гроза. Наши взводы, прищпорив лошадей в галоп, быстро прибыли и заняли боевые позиции. Застрочили пулеметы, выманивая противника. Русские, плохо разобрав, с кем имеют дело, вели рассеянный огонь, ранив четверых из нас, в том числе двоих смертельно. Батальоны с марша развернулись для боя и стали окружать врага. Тогда русские артиллеристы, бросив орудия и пробив окружение, ушли на восток.

Внезапно на мучнисто-желтом пшеничном поле появились два русских офицера в фуражках и с пистолетами на боку. Они шли не торопясь, куря папиросы на ходу. Мы подпустили их поближе, и когда русские могли нас услышать, крикнули:

– Руки вверх!

Но они выстрелили друг в друга из пистолетов прямо в рот. Старший лейтенант умер сразу, а лейтенант еще некоторое время страшно хрипел.

Вечером мне повстречался наш артиллерист, награжденный Рыцарским крестом. Я вынул из кармана и протянул ему фронтową газету, где красочно расписывался совершенный им подвиг. Он, явно волнуясь, принялся ее изучать, внимательно вчитываясь в каждую фразу статьи. Складывалось впечатление, что чтение давалось ему с трудом. Внезапно солдат, наткнувшись на свою фамилию во второй раз, удивленно поднял на меня глаза и спросил:

– Неужели это я?

– Конечно.

Он только покачал головой и, спросив разрешения, забрал газету с собой.

²⁵ В реальности все сложилось по-другому. (Примеч. ред.)

Глава 2

Через линию Сталина²⁶

Впереди нас вела бои танковая группа Клейста²⁷. Им никак не удавалось продвинуться вперед. Мы на два дня задержались в деревне, где дома стояли вдоль пыльной грунтовой дороги. Единственный колодец, представлявший из себя деревянный сруб с вытоптанной вокруг земель и журавлем с ведром, быстро опустел. Машина с цистерной нашей полевой кухни то и дело вынуждена была трястись по ухабам до отдаленного ручья. Лето заканчивалось. Поля опустели. Дул приятный ветерок. Еще пару дождливых дней – и наступит осень. Природа стала готовиться к зимней спячке.

Мы с Ханом, Блумом и Эрхардом сидели во дворике небольшого домика. Блум пришел навестить своего земляка Хана. И хотя они не любили друг друга, все же их объединяла общая забота – оба давно не получали писем из дома. Эрхард поставил в печь выпекаться хлеб. Бланк недалеко колот дрова, отобрав топор у выделенного для этой цели русского, поручив ему собирать чурки. То и дело, дружелюбно улыбаясь, появлялась хозяйка, чтобы повесить на веревки очередную порцию нашего выстиранного белья.

Блум отошел в сторону. Через пару минут он вернулся, ворча на ходу:

– С кем приходится воевать! Пулеметы у них есть, а вот туалетов нет.

Он, смущенно улыбаясь, поправил штаны. Блум постоянно подчеркивал, что вырос и вращался в высококультурных кругах. Я не удержался и смиренно заметил, что его бабушка с дедушкой, вероятно, тоже ходили по нужде в деревянный домик у себя в Швабии. Хан расхохотался.

Мы были знакомы с Блумом уже более года. Это был темноволосый, невысокого роста сухопарый парень с жилистой шеей и выступающими скулами на лице. Он считал, что проявлением прогресса служит прием пищи из фарфоровой посуды.

– Я знаю, что ты восторгаешься голыми женскими ногами и грубым крестьянским хлебом, – парировал Блум и отшвырнул буханку хлеба, которую Эрхард специально испек для хозяйки дома.

– Если бы вся наша армия питалась батонами белого хлеба, как ты, то нам лучше было оставаться в Карлсруэ или Вене, – ответил я, зная, что Блум страдает желудком.

– Действительно, – подхватил Хан, трясаясь от смеха, – каждому десятому немецкому солдату тогда выдавали бы диетическое питание.

– Господину унтер-офицеру Блуму, – вмешался в разговор Бланк, воткнув топор в полено, – следовало бы идти в СС. Там выдают не буханку хлеба и мармелад, а кое-что получше.

Блум зло прищурился. Он был членом нацистской партии и охотно пошел бы служить в СС, но не вышел ростом. Ему отказали, объяснив, что люди карликового роста не могут быть приняты в СС. В порыве откровения Блум сам как-то рассказал об этом.

– Мне кажется, что им даже ночные горшки выдают, – продолжал издеваться Бланк.

²⁶ **Линия Сталина** (нем. Die Stalinlinie) – оборонительная линия в СССР, представлявшая собой систему узловых оборонительных сооружений на старой границе Советского Союза (до 1939 г.), состоявшая из укрепрайонов от Карельского перешейка до берегов Черного моря. После 1939 г. была снята с боевого дежурства. «Линией Сталина» в СССР никогда не называлась.

²⁷ **Клейст** Пауль Людвиг Эвальд фон (1881–1954) – немецкий военачальник (с 1943 г. фельдмаршал). Во время вторжения в СССР командовал 1-й танковой армией (до октября 1941 г. – 1-я танковая группа) на южном крыле советско-германского фронта. С ноября 1942 до весны 1944 г. – группой армий «А», затем в отставке. В конце войны взят в плен англичанами, в 1946 г. передан Югославии, затем СССР. Единственный фельдмаршал, умерший в советском плену.

– Бланк, попридержи свой язык, иначе я вынужден буду перейти на официальные отношения! – пытаюсь прекратить перебранку, воскликнул Эрхард.

– Пытаешься раздуть из мухи слона? – обиженно пробубнил Бланк и, замолчав, вновь принялся рубить дрова.

– Блум, – смягчая ситуацию, продолжил Эрхард, укоризненно качая головой, – ты самый умный и рассудительный человек в роте, а не видишь, что русским не нужны клозеты и шнурованные ботинки. Они не пользуются уборными и не едят белый хлеб. Совсем как пруссаки!

– И не занимаются спортом, – подхватил Хан.

– Совершенно верно, – согласился с ним Эрхард. – Он им тоже не нужен. Кстати, неужели тебе не надоели твои пробежки? Тебе мало наших дневных забегов?

Хан, если позволяла обстановка и время, все еще продолжал бегать в плавках по утрам, о чем было известно во всем полку.

– Мы – старинный культурный народ, – вновь начал Блум и, обращаясь ко мне, добавил: – Если ты считаешь Шпенглера...

Я было отмахнулся от него, но тут вмешался Хан:

– Что ты хочешь сказать?

– Ну, говори же, – подбодрил его Эрхард. Ему доставляло большое удовольствие слушать наши с Блумом споры.

– Для меня он слишком тяжел для понимания.

Хан и Эрхард поинтересовались, кто такой Шпенглер. Блум пояснил, и они удовлетворенно кивнули, а затем захотели послушать мое мнение.

– Мне точно известно, что правящая партия ничего не хочет знать об этом Шпенглере, – ответил я и с улыбкой посмотрел на Блума.

Тот покраснел как помидор, но сдаваться не пожелал.

– Вот увидишь, – нашелся он. – Его взгляды правильные. И если партия не хочет говорить о нем, то делает это из известных ей соображений.

– Ну да. Расовая теория...

– И усталость.

– Но мы бодры и являемся примером обновления...

Оба унтер-офицера посмотрели на Блума и расхохотались.

– Этот Шпенглер прав, говоря о закате старой Европы! – крикнул Бланк, потрясая топором.

Блум стал белее снега, и мне стало его жалко. Я попытался исправить ситуацию:

– Домотканые полотна, свежая солома для сна, вручную побеленные дома, старые горшки кочевых времен – все это заслуживает презрения. Им на смену в дома пришли громкоговорители, которые нельзя выключить, восхищение машинно-тракторными станциями.

– Что ты имеешь против громкоговорителей? – опять крикнул Бланк.

– То же, что Блум имеет против голых ног, – ответил я.

– Откуда у тебя такие хорошие познания о России? – поинтересовался Блум.

– Мне приходилось читать Толстого, Тургенева, Пушкина и Гончарова.

– Кто такой Гончаров? – спросил Блум.

Я ответил ему, тогда он поинтересовался, как я отношусь к Достоевскому.

– Он слишком много рассуждает, – заметил я.

Блум закусил губу, а мне захотелось рассказать им о Лескове, о котором они и понятия не имели.

– Давай! – сказал Хан. Это прозвучало как приказ.

Далее последовал мой рассказ о том, что Лесков являлся человеком крепкого телосложения и знал народ не понаслышке. Он был мало подвержен влиянию Запада, и поэтому Советы его не запрещали. Конечно, Лесков не пользовался таким авторитетом, как Толстой, но всю

свою жизнь боролся со старым русским восприятием мира, против пренебрежительного нигилизма петербургских умников, политической и религиозной изоляции.

– Сталин придерживается подобных же взглядов, объявляя священную войну западным язычникам, – подвел я итог своему повествованию.

– Все это маскировка, – заметил Хан.

– Не исключено, – согласился я. – Но посмотрите на эту добрую женщину... – И, показав жестом на Наташу, хозяйку дома, продолжил: – Как вы думаете, она будет стенать, если Сталин скажет, что ее сын и муж должны сражаться за нее, за детей, за свою землю, за свой дом?

Тут появился ефрейтор Шварц, один из наших связистов. Он был родом из Вены и самым высоким в нашей роте. Его двухдневное отсутствие не прошло незамеченным.

– Ефрейтор Шварц прибыл после восстановления линии связи, – по уставу доложил верзила Хану.

– Бог мой! – вскочил Хан. – Где вас носило? Какое восстановление связи? Я доложил о вас как о пропавшем без вести!

Шварц был призван в армию год назад, сразу после окончания школы и мечтал получить высшее образование и стать инженером.

– Но я же вернулся, – робко проговорил он. – Просто сбился с пути.

Шварц выглядел как форменный оборванец. Его сапоги, форма и велосипед были облеплены грязью. Он отошал и заметно отличался от нас, ведь мы все последние два дня только и делали, что мылись и брились, ели и спали.

– Вы голодны, Шварц? – спросил Хан.

– Так точно, господин унтер-офицер. У меня два дня во рту не было ни маковой росинки.

– Эти два дня вы были у русских?

– Нет.

– Разве вы по дороге не видели полевую кухню?

– Видел, но... – замямлил он, заикаясь и чуть ли не плача. Ему было стыдно попросить еды.

– Какой глупый малый, – бросил Блум, когда Шварц ушел.

– Пару дней назад, – заметил Эрхард, – нам выделили в помощь одного военнопленного из Владивостока. Ему также было восемнадцать лет. До войны он учился в институте и неплохо говорил по-немецки. Этот парень умел забивать свиней, готовить, скакать верхом, пользовался успехом у женщин. К сожалению, нам пришлось с ним расстаться.

– Таким, как этот Шварц, на войне нужна нянька, – прорычал Бланк, закончивший рубить дрова. Он достал из кармана колоду карт, и мы, Бланк, Эрхард, Хан и я, стали играть в тарок²⁸, а Блум пошел к себе во взвод.

Ночью шел холодный дождь с грозой, но к 4 часам утра, когда нам надо было выступать, дороги просохли. Взяв немного севернее, мы вышли на грунтовую дорогу, предположительно шоссе на Киев, по обеим сторонам которого виднелись следы ожесточенных боев. Везде лежали трупы русских. С шоссе наша рота свернула на проселочную дорогу.

Почва была жирной и плодородной, сплошной чернозем. Поля очищены от камней. Дорога то шла на подъем, то вниз на пологих склонах холмов, как будто дышала сама Земля. Наши крестьяне сначала оценивают возможности, и только потом трогают землю, считая, что при интенсивной ее обработке можно снимать двойные урожаи. По их мнению, машинная обработка огромных площадей угнетает землю. Шестнадцать центнеров с гектара – это слишком мало. Раньше в России между полями тоже были небольшие лесочки, но сегодняшние сплошные пашни приводили к тому, что местность превращалась в степь. Изничтоженные лесные полосы Советы попытались заменить длинными лентами кустарника, в которых селились

²⁸ **Тарок** – карточная игра со взятками с использованием традиционной колоды таро.

птицы и маленькие зверьки. Лет через десять на месте этого кустарника выросал настоящий лес. Клен, акация, барбарис, тис, липа перемешались с кустами терновника и крыжовника. Попадалась и земляника, маня своим запахом толпы желающих.

Наш марш на восток проходил как раз между такими полосами. Мы вытянулись в длинную узкую колонну, похожую на ленту. Такой марш, наверное, был последним в европейской военной истории: пехота следовала в пешем порядке, на повозках и лошадях. Как и у русских, большая часть нашей армии была на лошадях. Танковых и моторизованных частей насчитывалось мало. Они двигались перпендикулярно фронту от одной точки сосредоточения основных усилий к другой. По сравнению с ними в артиллерии лошадей имелось в шесть, а то и в восемь раз больше. Отдельные части, такие как истребительно-противотанковые и разведывательные, были моторизованы и у нас.

Становилось невыносимо жарко. На голубом небе со стальным оттенком ни облачка. Видимость была отличной. Мы двигались на широтах, соответствующих нашему Франкфурту-на-Майне, находясь, грубо говоря, на 50-м градусе северной широты. Но здесь, на юге России, климат был континентальным. Дни были жаркими, а ночи – холодными с обильными росами. Здесь жара и холод переносились лучше, чем на Рейне или в Вене.

Мы с Цанглером скакали вдоль не имеющей конца колонны к командиру 1-го батальона подполковнику Шенку, сухощавому и очень осмотрительному человеку, имевшему трудности с икроножными мышцами и носившему фуражку как спальный колпак. Поскольку наш полковник на днях получил генерала и стал командиром дивизии, мы опасались, что Шенк займет его место. Тут мы узнали, что наши страхи необоснованны и командиром назначен Райт. Расстроенный Шенк шагал рядом со своей лошастью. На нем были галифе и шнурованные ботинки, чтобы обеспечить доступ воздуха к больным икрам.

Я скакал на Роберте, самой быстрой лошади в нашей роте, ранее принадлежавшей Майрхофену. Секрет ее скорости состоял в том, чтобы не применять шпоры, что противоречило мнению наших щеголей. И вот теперь она досталась мне. Я согласился ее забрать в память о Майрхофене.

Впереди послышались выстрелы, и полк стал прямо с марша разворачиваться в боевой порядок для атаки. Мы заняли новые позиции.

Ближайшее село называлось Ильичевка. В нем был дворец с пятиконечной звездой над входом. Я привел туда гаупт-фельдфебеля Фукса и остальных, быстро искупался в пруду и поскакал в яблоневый сад, где домовитый Бланк жарил блины на открытом огне. У нас всегда был их запас. К нам пришла целая машина с буханками хлеба. Эрхарду это не понравилось, поскольку как пекарь он становился ненужным. Задетый за живое, он целых два дня возился возле большой печи, взяв с собой Бланка в качестве кучера и помощника.

– Скоро он сам сможет выпекать хлеб, – заявил Эрхард. – Пусть он печет, тогда я смогу остаться с вами.

– Мне не хочется заниматься этим в одиночку, господин унтер-офицер, – заметил Бланк.

– Когда я доложу фельдфебелю, что вы можете выпекать хлеб, то вас уже ничего не спасет, – отрезал Эрхард.

Они оба были из Баварии и начали спорить на диалекте, перейдя на «ты». Мы смогли разобрать только, что речь шла о приключениях с девицами и партизанами.

– Мы задержимся здесь надолго. Иваны возвели впереди укрепленные огневые точки, и они находятся прямо перед нами, – перейдя на литературный язык, закончил Эрхард. По ночам действительно можно было видеть цепочки осветительных ракет над линией фронта.

На днях мы должны были начать наступление. Цанглер в сопровождении Хана, Осаги и вашего покорного слуги верхом отправился осматривать позиции. Осага, в прошлом горнорабочий из Верхней Силезии, являлся посыльным Цанглера. Поскольку Цанглер, как всегда, был озабочен тем, чтобы лошади не пострадали, он оставил нас с Осагой в котловине, напо-

минавшей амфитеатр, поросшей клевером. Мы ничего отсюда не видели, но зато все хорошо слышали. Над нами было бездонное небо, а от стен котловины отражалось эхо артиллерийских выстрелов.

– Моя жена пишет, что она больше не выдержит, – заявил вдруг Осага, которого постоянно мучили мысли об оставшейся дома супруге.

– Чего не выдержит?

– Как – чего?! – разозлился Осага. – Ей трудно обходиться без мужчины.

– Сколько же ей лет? – поинтересовался я, похлопывая по холке встревожившихся лошадей.

– Тридцать! Нет, погоди, тридцать три!

– Не самый лучший возраст для одиночества.

– Ты тоже так считаешь, верно? Как думаешь, скоро нас отпустят в отпуск?

– Не похоже, что скоро.

– Что же мне делать? – обреченно вздохнул Осага и опустил на колени в клевер, не выпуская из рук поводья всех четырех лошадей.

Вдруг недалеко от нас разорвался снаряд. Лошади встали на дыбы.

– Ну, вы, бестии! – вскричал Осага и принялся лупить испуганных животных плеткой по их мордам.

– Это не поможет. Возьми поводья короче, – раздраженно заметил я и стал седлать лошадей, которым мы дали немного отдохнуть. – Надо подготовиться. Возможно, скоро двинемся дальше.

По-видимому, наступление набирало силу, так как огонь усилился. Появились небольшие группы санитаров с носилками и подносчиков боеприпасов. Шум боя приблизился, и мы надели каски.

– Мне кажется, что сюда палит наша артиллерия, – заявил Осага.

– Чушь! – Меня все больше стал раздражать этот парень. – Наши стоят здесь уже несколько дней и точно знают, куда стрелять. Это могут быть только русские.

Поблизости вновь разорвалось несколько снарядов.

– Нам надо сматываться отсюда, – отреагировал Осага. – Старик нас сам найдет.

Мы вскочили в седла, держа свободных лошадей за поводья, галопом поднялись по отлогому склону котловины и, преодолев ее край, стали спускаться и увидели, что по другую ее сторону протекал ручей, вдоль которого шли машины с измученными и истекающими кровью ранеными. Некоторые из них курили. От них мы узнали, что наступление продвигается медленно. По их мнению, было издевательством гнать людей по открытому полю на долговременные огневые точки. Мы поинтересовались, куда они направляются.

– Кто куда, – услышался ответ. – А наш путь лежит вот к тем домикам.

– Я страшно проголодался и хочу пить, – заныл Осага. – Ты не будешь возражать, если мы наведемся туда и сделаем себе яичницу? Там наверняка есть вода.

Мы последовали за машинами и нашли то, что искали. Осага переговорил с хозяйкой одного из домов, и она вынесла нам яйца. Со стороны заболоченного ручья налетела целая туча комаров.

Перекусив на скорую руку, мы поспешили вернуться и встретили Цанглера недалеко от котловины, который сообщил, что наступление продолжается, но очень медленно.

– Наши взводы увязли в грязи. Вы не видели обоз?

– Он должен быть у ручья.

– Отлично! Срочно скачите туда!

Через час я нашел Фукса и привел его вместе с обозом к котловине. Он показал мне карту, пояснив, что мы находимся в 15 километрах от опорного пункта обороны русских у Хмельника.

– Мы будем побеждать, умирая, – бросил писарь нашей роты Деттер, за которым прочно укоренилась слава человека, чьи плохие прогнозы всегда сбывались.

– Попридержите свой язык! – немедленно отреагировал Фукс.

– Но, господин гауптфельдфебель, даже ребенку ясно...

– Молчать! Я не разрешал говорить!

Тут раздались звуки разорвавшихся снарядов.

– Что это было?

– Это русские, господин гауптфельдфебель, – не удержался Деттер.

– Мы здесь не останемся. Всем седлать коней! Возвращаемся назад в наш лесок с земляникой!

Я поскакал было вперед, втайне надеясь, что при приготовлении блинчиков про меня не забыли, но Цанглер приказал мне сопровождать его на позиции взвода Хельцла. Стемнело.

– Днем мы там не проедем, – проговорил Цанглер.

В слабом лунном свете виднелись очертания тел спящих прямо во ржи солдат. Хельцл стал жаловаться на нехватку боеприпасов.

– Боеприпасов ему не хватает! Каждый снаряд весит сорок килограммов! Скажите, как мне доставить их сюда?

Утром наступление возобновилось. Земля дрожала под ногами от разрывов. В поисках фуража мы с Ханом возле подворья, расположенного на вершине холма, попали под обстрел. Нам пришлось в голову спрятаться в деревне, где расположилась штабная рота. Гражданские, шурясь, вылезали из погребов. Появилась коляска с раненым в большую икру – иначе и быть не могло! – подполковником Шенком. Затем мы увидели нашего прежнего командира майора фон Треско во главе своего батальона, который по секрету сказал, что они отступают, так как противник оказался неожиданно силен, а его бойцы показали чудеса храбрости. Нас радовала встреча с нашими старыми знакомыми, хотя они и были озлоблены и постоянно ругались, что их гонят в огонь, чтобы заработать Железный крест.

Стало темнеть, и все устремились в деревню. Кого здесь только не было! Штабисты, истребители танков, ну и мы, конечно. В одном из садиков нам удалось найти место для палатки. Я так хотел спать, что не поднялся даже тогда, когда ночью объявился Фукс с продуктами питания и почтой.

Первые проблески утреннего света принесли с собой рассеянный огонь противника, и обоз вновь покинул проклятую деревню. Начавшийся грозовой ливень превратил дороги в кашу. Копыта лошадей вязли, когда мы с Ханом утром отправились на поиски командного пункта нашей роты. Нам сказали, что часть дивизии вынуждена была отступить, поэтому его месторасположение могло измениться. Но в расположении роты все оставалось по-прежнему тихо. Похоже, отступление нас не коснулось. Дождь перестал. После обеда мы построились в маршевую колонну и двигались в течение двух часов.

– Занимаемся какой-то ерундой, вместо того чтобы идти вперед, – ворчал скакавший рядом со мной Хан. Ему очень хотелось стать командиром взвода.

– Мне тоже не нравится мотаться по округе в качестве курьера, – поддержал его я.

– Радуйся! У тебя совсем неплохое положение. Но каково мне – активному бойцу? – выпятил грудь Хан, на которой не было видно ни одной награды. Он критически осмотрел себя и продолжил: – Каково будет мне возвращаться домой в таком виде, если война закончится?

– Не переживай, пару недель она еще продлится. У иванов есть еще силы. Посмотри туда!

В этот момент солнечные лучи пробили серую облачность и осветили лежавшую впереди нас линию русских долговременных укреплений, фронт которой был повернут в южном направлении. Поскольку вчерашняя атака во фланг закончилась неудачей, то теперь нам предстояло пробить ее лобовым ударом. Мы шли по размякшей под дождями пашне, изрытой так, как будто здесь поработали гигантские кроты. Это были следы от разрывов снарядов нашей

артиллерии. Русские, от огня которых мы понесли большие потери, при отходе на эту линию тоже были сильно потрепаны нашими артиллерийскими ударами. Большинство бункеров разрушились от взрывов снарядов. С расстояния в тысячу метров мы наблюдали, как саперы проделывают проходы, закладывая заряды при помощи длинных шестов. Воздух дрожал от направленных взрывов.

Похоже, что взятие этой оборонительной линии расчищало дорогу на Днепр. Командир дивизии генерал Кох лично посетил наш полк, когда он стоял лагерем в зарослях кустарника вдоль одноколейки. Наибольшие потери понес 3-й батальон. Были убиты все командиры рот и 38 человек в 9-й роте. В течение двух дней мы шли маршем зачастую напрямик по полям под палящими лучами солнца. Всю тяжелую работу выполняли танки и авиация. Села до отказа были забиты солдатами разных родов войск. До нас постоянно доносился грохот от стрельбы артиллерийских орудий.

Куда нас направляли? Солдату это неизвестно. Ему открывается только небольшой, совсем крошечный кусочек происходящего. Нам казалось, что армия куда-то поворачивает. Поскольку мы находились на направлении главного удара, нам ничего другого не оставалось, как гордиться этим. Наша рота шла днем и ночью. Авратинские высоты остались позади нас, и местность, время от времени прорезаемая небольшими речушками с располагавшимися вдоль них деревнями, стала ровной как доска.

Было 4 часа утра. Выпала роса, и стало довольно прохладно. Мы завтракали в готовности к дальнейшему маршу. Нам выдали по ломтю черствого хлеба и по кружке горячего кофе. Пришлось воспользоваться своими запасами. У кого-то со вчерашнего дня оставалось еще сало, у кого-то мясо. Цанглер ускакал в штаб полка, поскольку предпочитал получать приказы из первых уст. Ездоки колдовали над седлами и упряжью, унтер-офицеры проверяли тормоза, готовность транспортных средств и наличие личного состава, осматривали багаж и чистоту орудийных стволов.

Внезапно прозвучала команда:

– Приготовиться к движению!

Мы быстро проглотили остатки завтрака и взяли лошадей под узду. Рядовые построились позади своих орудий.

– Приготовиться к посадке! – пронеслась вторая команда.

Всадники вставили левую ступню в стремя и взяли правой рукой за заднюю луку.

– Садись!

По этой команде всадники и возничие вскочили в седла.

– Марш!

Колонна медленно начала движение. Первые шаги всегда производили благотворное воздействие на застоявшихся за ночь лошадей. Мы тоже, еще не проснувшиеся как следует, быстро взбодрились. Предписанные уставом команды и движения всегда строго соблюдались. Это позволяло ощущать разумность совместных действий и принадлежность к чему-то великому. Отсутствие муштры в армии приводит к ослушанию и разложению.

В состав нашей роты входил санитар Циппс. Он был родом из Вестфалии. Его происхождение выдавали произносимые им гортанные звуки. Мы были с ним знакомы уже два года. Циппс принадлежал к католической вере и не принимал войну, являясь одним из тех немногих, которые испытывали от нее душевные и даже физические страдания. Отца у него не было, а мать воспитывала его в духе готовности к самоотречению. Остатки своего состояния она пожертвовала одному миссионерскому ордену в качестве вступительного взноса за своего сына. Орден в скором времени был запрещен, и его имущество подверглось аресту. У Циппса возникли проблемы с продолжением образования, поскольку он числился его членом. Он не сказал мне, к какому ордену принадлежал. Я не вызывал у него доверия. Он вообще готов был подозревать весь мир.

Циппс ехал на своем неуклюжем велосипеде рядом со мной.

– Ты можешь опробовать себя в серьезном деле, – как бы невзначай заметил я.

– В каком именно?

– Записаться миссионером в Африку или Китай...

– Да, там, по крайней мере, я буду знать, за что мучаюсь.

Как настоящий романтик, Циппс мечтал побывать с миссионерскими целями среди диких племен Юго-Восточной Африки.

– Здесь ты можешь великолепно попрактиковаться в обращении в веру. У нас в роте много язычников, но тебе пока не удалось обратить ни одного из них.

– Из вас никого невозможно обратить, – рассмеялся он, принимая мою игру. – Вы потеряли веру в сверхъестественное под гнетом слишком естественных обстоятельств.

– Циппс, ты же знаешь, что я католик.

Мне очень хотелось облегчить его душевные мучения, ведь он очень страдал от одиночества. Часто у меня складывалось впечатление, что Циппс плакал по ночам. Поэтому я продолжил наш разговор:

– Принимай войну как Божье испытание. Ведь Бог ее для чего-то допускает.

– Ты просто авантюрист, отчаявшийся человек, который, кроме войны, не видит иного выхода. Лично я нахожу ее омерзительной. Она – это ад на Земле. У тебя есть задатки военного, и поэтому ты прекрасно себя чувствуешь, когда надо скакать верхом и повиноваться.

– Не мне тебе напоминать, что повиновение и послушание являются смыслом жизни члена любого монашеского ордена. А для нас, военных, казарма – это тот же монастырь, балда ты эдакая. Так что разницы никакой нет.

– Только у военных послушание приводит к плохим последствиям.

– Это как посмотреть. Разве то, что мы сейчас делаем, не является своеобразным крестовым походом?

– Походом, где вместо креста свастика?

– Ах, брось. Кто здесь является национал-социалистом? К ним принадлежат служащие, боящиеся потерять свою должность, и маленькие люди, трясущиеся от страха за свою семью. Мы воюем не за Гитлера.

Циппс искоса посмотрел на меня и с вызовом произнес:

– Не вижу смысла во всем этом. Раненые, убитые, поджоги, сожжения... Для чего?

– Святой Августин²⁹ утверждает, что мораль не является мерилем истории.

– Как так? – печально произнес Циппс.

Двигавшиеся рядом сослуживцы с интересом прислушивались к нашему разговору. Кто с благоговением, а кто насмешливо.

– Если почитать его труды, то можно заметить, что в серости бытия он действительно пытается найти признаки сверхцивилизованного мира.

– Это как раз наш случай, – перебил меня Циппс.

– Об этом, как воспитатель, говорит и святой дон Боско.

– Ты читал его труды? – В глазах моего собеседника вспыхнули огоньки.

– Лучше поговорим об Августине. Его мысли яснее. Августин стремится через высокообразованный мир прийти к тому, что он называет Богом, к высшей правде. Вера обращается к Богу. Она является началом игры в вопросы и ответы современного человека с Богом. Августин, так же как и ты, спрашивает, как можно познать Бога, находясь внутри мира. Он постоянно возвращается к этому вопросу, словно пытаясь булавкой пронзить крупный алмаз. И вдруг ему это удастся. Но как? Это мы никогда не узнаем. Он услышал голоса: «Возьми

²⁹ Августин Блаженный (354–430) – родоначальник христианской философии. (Примеч. ред.)

и читай!» И тогда открылась высшая реальность – достоверность существования Бога и его власть над миром. А реальность нигде не проявляется с такой очевидностью, как на войне.

Вот примерное содержание нашего с Циппсом разговора. На этой фразе он вынужден был оставить меня, поскольку дорога стала слишком узкой.

В нашей роте был еще один человек, закончивший среднюю школу. Это уже упоминавшийся унтер-офицер Блум, в прошлом страховой служащий из Карлсруэ. Он был убежденным холостяком, женоненавистником и пессимистом.

– Война – это безумие. Люди – дураки и поэтому проламывают себе черепа, – заявил Блум.

– Но войны вели очень умные люди, – возразил я.

Блум продолжал стоять на своем, заявляя, что война является большой глупостью. Он вступил в национал-социалистскую партию, будучи убежденным, что «глупость» закончится только тогда, когда над всем миром воцарится свастика. По его мнению, мир мог управляться только по системе REFA³⁰. Блум был признанным нигилистом.

Циппс и Блум были единственными в нашей роте, имевшими хоть какое-то законченное образование. С Блумом я спорил в иронической, а с Циппсом – в утешительной манере. Но такие люди, как пекарь Эрхард и кадровый унтер-офицер Хан, были мне милее. Несмотря на свои грехи, они больше нравились Богу, чем черту.

Днем опять было очень жарко, хотя и пасмурно. Парило как в теплице. Прошло пять, затем шесть, семь часов, а мы все шли и шли без всякого отдыха, плетясь как улитки. Наш путь пролегал напрямик по полям. Видимо, из-за того, что дороги были запружены моторизованными частями. От передвижения в таком темпе ноги солдат уставали быстрее, чем при длительном, но быстром марше. К нашим сапогам, затрудняя движение, прилипли большие комки глины. Мы были все в поту. Люди щадили лошадей и не ехали верхом, поскольку после ночного ливня почву на полях развезло. Непрерывный марш длился до 10 часов вечера, но за все это время нам удалось преодолеть не более 10 или 15 километров.

Земля вокруг села Семки, располагавшегося примерно в 10 километрах севернее Хмельника, была очень плодородной. Почва впитывала воду как губка. На огромных гороховых полях, через которые нам пришлось проходить, толстые усики растений так опутывали колеса, что через каждые сто метров обода приходилось очищать топором, а из ступиц вытаскивать их руками. Лошади, фыркая, опускали головы, а от их разгоряченных тел шел пар. Копыта от прилипшего к ним чернозема стали более походить на шары. Натертая до крови грудь животных тяжело вздымалась от тяжести повозок с боеприпасами. Возничие, давно спешившись, погоняли их хлыстами, как крестьяне.

Наша форма промокла насквозь и дымилась от испарений. От того, что приходилось продирались через намокшие гороховые стебли, сапоги набухли и стали сдавливать ноги, и без того опутанные листьями. Дождевые капли постоянно попадали за шиворот. Пилотки намокли, а кожа нашего снаряжения начала расслаиваться. На икрах образовались язвы. Стали появляться вши, которые больно кусались. Время от времени над нашими головами с тяжелым ревом пролетали звенья наших пикирующих бомбардировщиков, чтобы сбросить далеко впереди свой смертоносный груз. Мы видели поднимающиеся вверх фонтаны грязи и надеялись, что русская артиллерия потеряла еще пару орудий.

Эти необъятные поля гороха и клевера с переливающейся зеленью, отдающей в голубизну, ароматом от миллионов цветков и стаями воробьев, ворон и ласточек были хороши и поражали своей плодородностью. Наши крестьяне то и дело принимались обсуждать качество почвы, погружая в нее руки и рисуя картины, как они ее будут в будущем использовать. Но

³⁰ Аббревиатура от Reichsausschuß für Arbeitsstudien – имперского комитета по рационализации труда в фашистской Германии в 1936–1945 гг.

все размышления заканчивались выводом о том, что культивирование земли так, как здесь, бесчеловечно.

На одном из привалов Цанглер подстрелил одиноко бегавшего бычка. Все мясники, каких в нашей роте было трое или даже четверо, немедленно принялись разделять тушу, и уже через каких-то полчаса на повозках лежало четыре больших оковалка мяса. Наконец, еще при свете дня, мы достигли какого-то села. Складывалось впечатление, что в его глубоких балках расположилась целая дивизия. Наши повозки и орудия никак не могли проехать по дороге.

Пришлось их оставить на обочине, а нам, взвалив груз на плечи, свести усталых лошадей вниз по крутому склону. Поскольку все дома в селе были заняты, мы решили пройти по разбитой улице еще несколько сотен метров и остановиться в небольшом хуторе. Дорога шла по скользкой плотине через пруд, образовавшийся в результате перекрытия ручья. Люди и лошади постоянно оступались, а Рюкенштайнер, которому с большим искусством удалось спустить повозку с фуражом вниз по крутому склону, страшно ругаясь, провалился вместе со всей квадригой. Двадцати человекам ничего другого не оставалось, как вытаскивать их на сухое место.

Хутор тоже оказался забитым до отказа, и нам пришлось возвращаться назад. К нашей великой радости, показался Эрхард со своей передвижной пекарней. Они вместе с Бланком испекли чудесный хлеб и нашли для нас два дома. Мы с Ханом без лишних слов стали устраиваться на отдых, а Эрхард – запекать в тесте трех гусей.

В садах солдаты принялись разбивать палатки. Перспективы у них были безрадостными – спать на мокрой земле без соломы за тонким брезентом в качестве укрытия. У Циппса поднялась температура, его перенесли в дом и положили на с трудом найденную кровать. Снаружи со свистом дул холодный северо-восточный ветер, а мы с Ханом улеглись на печи и проспали два часа, пока гуси доходили до готовности.

Фукс отвел помещение, в котором мы спали, под канцелярию. Пришел Габриэль со своей долей бычка, а Цанглер, подвинув нас с Ханом, тоже пристроился на печи. Везде висели куртки для просушки. Сапоги, как только их сняли, мы набили соломой. Я толкнул Эрхарда, давая ему знак, чтобы он воспользовался своим положением пекаря и очистил дом от лишних постельцев, но на этот раз он меня не понял. У Хана во сне начались судороги, и он начал бредить. Мое терпение лопнуло, и я вызвался помогать Эрхарду.

В прихожей был посетитель – сельский агроном, с которым Эрхард вел оживленную дискуссию. Агроном оказался высокообразованным человеком. На вид ему было лет 50, а лицо его обрамляла пышная черная борода. Позднее он пригласил нас с Эрхардом и Бланком в свой дом, где мы сидели на чудесной остекленной террасе, слушая, как по крыше стучат капли дождя.

– Колхозы себя оправдали, – утверждал агроном. – Лучшего в России еще не было. Ведь крестьяне – единоличники, тут все зависит от воспитания, не станут производить больше, чем смогут использовать сами.

– Надо дать им денег, чтобы они могли купить скот и приобрести машины, – заявил Бланк, который сам был фермером и мыслил соответственно.

– Нет, нет, – возразил ему бородатый хозяин. – В России все по-другому. Крестьяне не приучены к самостоятельности.

– Где вы научились так хорошо говорить по-немецки?

Бородач пояснил, что в юности бывал в Германии. Тогда и научился довольно сносно изъясняться. По-видимому, он нанимался сельскохозяйственным рабочим к землевладельцу в Померании. По его мнению, колхозы в России были не чем иным, как огосударствленными дворянскими владениями. Далее разговор пошел о возделывании различных культур, урожаях, грунтах, семенах и их выращивании.

– Похоже, вы не удобряете землю навозом, – заметил Бланк.

– Совершенно верно, да это и не требуется при такой плодородной почве. Мы ведем экстенсивное хозяйство.

Утром, позавтракав яйцами, мы двинулись дальше. Сильный ветер высушил почву, но большие лужи еще оставались. Во время отдыха на поле, засеянном гречихой, пронесся слух, что взят Смоленск³¹, а нас передают 6-й армии. Все стали ругать командира дивизии генерала Муската, грубого старого кавалериста из Дюссельдорфа, который из-за своих амбиций добился переподчинения нашего соединения 6-й армии, вместо того чтобы продолжать двигаться в резерве генерала Коха. Обычные в таких случаях пересуды раздосадованных солдат.

Генерал Мускат был худощавым пожилым человеком с красным лицом и пружинистой походкой. Видели его редко, и то мельком, проезжающим на машине вдоль марширующей колонны. Лицезреть его вблизи нам пару раз посчастливилось только в Австрии на стрельбище у городка Кайзерштайнбрух. Мне всегда казалось, что у него не было человеческого контакта со своей дивизией, сформированной в Австрии и укомплектованной из австрийских рядовых, баварских и швабских унтер-офицеров. Возможно, он был настолько умен, что специально дистанцировался от войск, зная предубежденность своих людей в отношении рейхсдойчен³²

³¹ Немцы захватили город 16 июля. (*Примеч. ред.*)

³² В фашистской Германии различали две категории немцев: фолькс-дойче – этнических германцев, которые жили в диаспоре, то есть за пределами Германии, и рейхсдойче – германцев рейха. Принадлежность к фольксдойче (германскость) устанавливалась по отдельным признакам – по семейной истории (были ли родители немцами), по немецкому языку как родному, по имени, по церковным записям и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.